

Полевые исследования по шугнанскому языку

УДК 811.221.3

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива

Владимир А. Плунгян

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

plungian@iling-ran.ru

Аннотация. В статье предлагается краткий обзор истории изучения и типологического своеобразия шугнанского языка и дается общая характеристика исследовательского проекта НИУ ВШЭ, связанного с полевой работой на Памире и созданием компьютерных инструментов для развития памирских исследований.

Ключевые слова: памирские языки, шугнанский язык, полевая лингвистика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Плунгян В.А. К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 11–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

The study of Shughni: the past and the future

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia,

plungian@iling-ran.ru

Abstract. The paper provides a brief overview of the history of Shughni studies and summarizes cross-linguistically interesting properties of Shughni (and other Pamir languages). Then, it elaborates on a current research project of the HSE University which focuses on fieldwork in Pamir region and computer-assisted tools for promoting Pamir linguistics investigations.

Keywords: Pamir languages, Shughni, field linguistics, corpus linguistics

For citation: Plungian, V.A. (2022), “The study of Shughni: the past and the future”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 11–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

© Плунгян В.А., 2022

В настоящем выпуске «Московского лингвистического журнала» читатель найдет три статьи, посвященные анализу грамматических особенностей шугнанского языка. Это «Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке» (автор А.О. Бадеев), «Синтаксические и семантические свойства клитики *i* в шугнанском языке» (автор Д.Г. Чистякова) и «Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке» (автор Р.В. Ронько). Статьи объединены не только тематически – они создавались в рамках одного исследовательского проекта, который имеет уже достаточно длительную историю (и еще более длительную предысторию); как история, так и предыстория заслуживают несколько более подробного рассказа, который и последует ниже.

Шугнанский язык – один из так называемых памирских языков иранской группы, самый крупный по числу говорящих (ок. 100 тыс. человек по недавним оценкам, ср. [Эдельман, Юсуфбеков 1999, с. 225; Каландаров 2004, с. 7–9]¹) и социолингвистически наиболее значимый (в частности, он доминирует в столице Бадахшана Хороге). Термин «памирский» в научном отношении не вполне строгий (хотя он широко употребителен как среди специалистов, так и среди самих носителей, чаще идентифицирующих себя, особенно во внешнем окружении, именно как «памирцев», тадж. *помирӣ*); он в большей степени имеет ареальные и историко-культурные коннотации, чем генеалогические. Географически речь прежде всего идет о компактном высокогорном регионе так называемого Западного Памира, где население сосредоточено в основном по долинам рек, образующим естественные ареалы; все они являются притоками Пянджа, по которому проходит значительная часть границы между Афганистаном и Таджикистаном. Важнейшие из этих притоков (с севера на юг) – реки Ванч, Язгулем, Барганг (Мургаб), Гунт, Шахдара, Богушдара и Памир. Административно это Ванчский, Рушанский, Шугнанский, Рошткалинский и Ишкашимский районы Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана и несколько граничащих с Пянджем восточных районов афганской провинции Бадахшан (Шигнанский, Ишкашимский, Ваханский и др.). Более периферийные (и более гетерогенные в языковом отношении) ареалы памирских языков находятся в западной части Китая (Сарыкол), а также в горных долинах Гиндукуша на территории афганского Бадахшана и пакистанского Читрала.

¹Численность говорящих на памирских языках в Таджикистане можно приблизительно оценить в 130–150 тыс. человек [Додыхудоева 1999, с. 171; Каландаров 2018]); общую численность говорящих – в 250–300 тыс.

В генеалогическом плане языки Западного Памира существенно менее гомогенны, и вопрос об их внутренней классификации (как, впрочем, и о классификации иранских языков в целом) продолжает оставаться дискуссионным; из последних работ на эту тему см. в особенности [Wendtland 2009; Korn 2016; Korn 2019], а также [Edelman, Dodykhudoeva 2009] и [Эдельман 2021]. Не вдаваясь в детали, отметим, что все исследователи выделяют в качестве бесспорного генеалогического единства шугнано-рушанский кластер (с шугнанским и примыкающими к нему с севера более малочисленными баджувским, рушанско-хуфским и бартангско-рошорвским, а также территориально отдаленным, но генеалогически очень близким сарыкольским); между идиомами этого кластера возможно частичное взаимопонимание. В достаточно близком родстве с языками шугнано-рушанского кластера находятся язгулямский [Соколова 1967] и вымерший старованджский, занимавший наиболее северное положение на территории Бадахшана и не позднее начала XX в. вытесненный таджикскими говорами Дарваза [Лашкарбеков 2008]. Генетические отношения других языков и диалектных групп Западного Памира и Гиндукуша (ваханского, ишкашимско-сангличского и йидга-мунджанского) между собой и по отношению к шугнанско-язгулямской подгруппе – при их несомненном ареально-типологическом сходстве² – остаются не до конца ясными (не все современные исследователи даже включают их в общую юго-восточную ветвь иранских языков, как это было традиционно принято в классификациях середины XX в.).

В типологическом отношении языки шугнанско-язгулямской подгруппы характеризуются целым рядом интересных особенностей. Прежде всего, следует отметить достаточно сложную сегментную фонетику (с богатым консонантизмом и нетривиальным вокализмом) и чрезвычайно разветвленную систему вокалических и консонантных чередований, играющую ключевую роль в выражении большинства грамматических категорий имени и глагола. В именной сфере заслуживает упоминания категория грамматического рода (отсутствующая в большинстве иранских языков), в глагольной – развитие категории эвиденциальности на базе перфектоидных форм. Немалой сложностью отличается система указательных местоимений, сохраняющая наряду с противопоставле-

² Следует отметить и значительную культурно-религиозную общность памирских народов – в частности, яркой особенностью памирцев является исповедуемый ими исмаилизм, играющий чрезвычайно важную роль в формировании местной идентичности, культуры и быта [Каландаров 2006].

нием по роду двухпадежное склонение [Рауне 1989; Аркадьев 2006] и трехчастный дейксис. К дейктическим категориям может также добавляться противопоставление по «уровню» (англ. *elevation*, ср. [Forker 2019]), требующее различать положение ориентира выше, ниже или на уровне говорящего; оно проявляется прежде всего в выборе пространственных предлогов. В области морфосинтаксиса особенно интересно поведение энклитик, маркирующих лицо/число подлежащего в формах прошедших времен глагола (формы настоящего времени синтетические, хотя в большинстве случаев для выражения лица/числа подлежащего они используют этимологически те же показатели); правила употребления энклитик пока остаются не полностью понятыми. Как можно заметить, в предлагаемых ниже статьях многие из этих нетривиальных типологических особенностей исследуются на шугнанском материале.

Несмотря на большой интерес, который данные памирских языков представляют как для иранистики, так и для общей и ареальной типологии, эти языки нельзя назвать хорошо изученными (особенно по сравнению с другими иранскими языками). Прежде всего это объясняется их географической удаленностью и труднодоступностью, усугубленной политической нестабильностью данного региона в целом (в последнее время, к сожалению, последний фактор усиливается). Тем не менее история изучения этих языков начинается в конце XIX в. и отмечена целым рядом имен выдающихся исследователей. К первым крупным лингвистам, обратившим серьезное внимание на памирские языки, следует отнести норвежского ученого Георга Моргенштерне (1892–1978) и российского ученого Ивана Ивановича Зарубина (1887–1964); оба начали масштабные полевые исследования в первые десятилетия XX в., оба были специалистами широкого профиля, интересовавшимися не только языками, но и этнографией, историей и культурой народов данного региона (интересные детали о начале полевой работы Зарубина на Памире см. также в [Стеблин-Каменский 1993]). Последующие поколения иранистов во многом опирались на их опыт и собранные ими материалы; в их числе можно назвать В.С. Соколову (1916–1993), Т.Н. Пахалину (1928–1995), Д.К. Карамшоева (1932–2007)³, а также представителей более молодой плеяды – И.М. Стеблина-Каменского

³Уроженец бадахшанского Баджува и непосредственный ученик И.И. Зарубина, Д.К. Карамшоев описал свой родной баджувский диалект шугнанского языка ([Карамшоев 1963]; эта работа до сих пор остается самой подробной и полной грамматикой идиома из состава шугнано-рушанского кластера). Помимо ряда специальных исследований, Д.К. Карамшоев занимался составлением выдающегося во многих отношениях

(1945–2018) и Ш.П. Юсуфбекова (1962–2018). В настоящее время продолжают активно работать Д.И. Эдельман, которой памироведение (и иранистика в целом) обязана очень многим, М.М. Аламшоев, Л.Р. Додыхудоева и ряд других исследователей России и Таджикистана; из работ последнего времени, выполненных европейскими иранистами, можно отметить две замечательные диссертации [Kim 2017] и [Obrtelová 2019].

Однако для наших полевых исследований шугнанского языка наиболее важным был как будто бы незначительный на этом общем фоне эпизод, но без которого, очевидно, не сформировался бы наш интерес к Памиру. Речь идет об одной из экспедиций А.Е. Кибрика (совместно с Б.Ю. Городецким) на Памир, в шугнанское селение Дебаста Шугнанского района, на реке Гунт. Она была предпринята в июле-августе 1969 г.; помимо многочисленных студентов Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ, в ней приняли участие (тогда уже хорошо известная профессиональная иранистка) Д.И. Эдельман и (тогда еще аспирант) И.М. Стеблин-Каменский. Это была только третья по счету из 45 экспедиций А.Е. Кибрика, когда он еще не вполне определился с выбором ареала и методики исследований. Памир привлек его, видимо, экзотичностью и труднодоступностью местных языков, но продолжения экспедиция не получила: сказалась чрезвычайная отдаленность этих мест (в те годы основная дорога в Бадахшан шла с северо-востока, через Ош и Мургаб, по старому Памирскому тракту, и путь был очень сложным и долгим); а в дальнейшем научные интересы А.Е. Кибрика оказались, как известно, почти безраздельно связаны с Дагестаном. Тем не менее впечатления от этой поездки, единственной в своем роде, были яркими – я хорошо помню рассказы ее участников о Памире и спустя десять лет, и много позже. Памир предстал в них как чрезвычайно далекий, но зачаровывающий мир; он казался одновременно и недоступным, и притягательным. В то же время эта поездка принесла и некоторые научные результаты: наиболее глубокими и интересными, пожалуй, были публикации [Беликов 1972] и [Муравьева 1975]. Первая из них – краткие тезисы, но в них содержатся плодотворные идеи относительно семантики указательных местоимений в шугнанском (напомним, что это одна из самых сложных областей шугнанской грамматики); неслучайно

трехтомного шугнанско-русского словаря (1988–1999); в этом словаре примечателен прежде всего богатейший иллюстративный материал, основанный на многолетних полевых записях сотрудников отдела памироведения Института языка и литературы им. Рудаки в Душанбе (с 1991 г. – в составе Института гуманитарных наук в Хороге).

некоторые из наблюдений В.И. Беликова были позднее использованы и в монографии [Юсуфбеков 1998], и в публикуемой ниже статье А.О. Бадеева. Вторая публикация – более развернутая статья, где едва ли не впервые предпринимается попытка систематически описать морфонологию чередований в основах шугнанского глагола (как мы отмечали выше, эта часть шугнанской грамматики также поражает своей сложностью).

«Памирский след», таким образом, хранился в памяти участников экспедиции и выпускников ОСиПЛ МГУ, но долгое время казалось, что этот эпизод так и останется единичным (небольшая экспедиция, предпринятая под руководством Б.Ю. Городецкого на следующий год, не принесла заметных результатов). Тем не менее времена менялись, и причудливое стечение обстоятельств (было ли это только волей случая?) в конце концов привело нас прямо на Памир – тот самый Памир, куда мы со студенческих лет мечтали попасть. Началось все со знакомства с носителями шугнанского языка в Москве (где сегодня удачным образом присутствует большая памирская диаспора) и коллегами из Российско-таджикского славянского университета в Душанбе, а закончилось регулярными поездками в Хорог и его окрестности (в Шугнанском и Рошткалинском районах), первая из которых произошла в августе 2018 г. Полевые исследования шугнанского языка удалось осуществить в рамках учебных и исследовательских программ Школы лингвистики и Института классического востока и античности НИУ ВШЭ; в числе руководителей этих экспедиций были Е.Е. Арманд (начиная с 2021 г.), В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, Р.В. Ронько; в числе студентов, активно участвовавших в разные годы в работе с шугнанским материалом, помимо двух авторов публикуемых ниже статей, были также В.Д. Бутолин, Е.В. Востокова, В.Д. Гребнева, Ф.М. Даниэль, В.В. Иванова, Ю.Ю. Макаров, М.Г. Меленченко, С.К. Михайлов, Д.А. Новокшанов, А.А. Сергиенко. Здесь представлены самые первые результаты нашей работы, но мы, безусловно, надеемся на продолжение этих исследований – несмотря на многочисленные организационные и финансовые трудности, которые неизбежны в такого рода деятельности и часто кажутся (но, к счастью, не всегда оказываются) непреодолимыми.

Следует сказать несколько слов и о, так сказать, идеологии и общем формате наших экспедиций. Памирские языки представляют собой живую и чрезвычайно сложную реальность; существенное продвижение в ее понимании требует сочетания разных методов и подходов. В более детальном изучении нуждаются все аспекты этой реальности: от фонетического до социолингвистического, включая, разумеется, морфологию, синтаксис, грамматические категории и

лексику. На наш взгляд, эффективным первым шагом в такой работе было бы создание современных компьютерных инструментов для памирских языков, в первую очередь электронного корпуса текстов. Основы этой работы были заложены в ходе первых экспедиций; для корпуса использовались как специально записанные нами устные рассказы носителей языка, так и доступные записи фольклорных текстов (как опубликованные, начиная с ранних текстов из собрания Зарубина [Зарубин 1960] и более поздних изданий фольклора памирских народов, так и хранящиеся в архиве Института гуманитарных наук в Хороге), а также немногочисленные литературные тексты (поэтические и прозаические). Отдельным направлением наших исследований стала работа со словарем Карамшоева: как уже было сказано, этот словарь уникален в том отношении, что по сути представляет собой богатейшее собрание естественных примеров высокого качества, отражающих не только современный шугнанский язык, но и образцы речи носителей первой половины XX в. Мы предприняли усилия по созданию электронной базы шугнанской лексики на основе этого словаря; в настоящее время этот ресурс доступен для всех желающих по адресу <https://pamiri.online> и продолжает развиваться (там же можно найти и ряд других полезных инструментов, например орфографический конвертер, позволяющий автоматически преобразовывать шугнанские тексты в разные системы записи, и шугнанский морфологический анализатор).

Публикуемые ниже статьи в полной мере используют созданные участниками памирского проекта инструменты: основным источником примеров являются корпус шугнанского языка (где фигурируют как ранние записи, так и полевые материалы, непосредственно собранные нами) и дополняющая его лексическая база словаря Карамшоева. Одним из результатов такого подхода оказалась возможность микродиахронических наблюдений: первые записи шугнанской речи были сделаны около ста лет назад, и как оказалось, за это время в языке произошли достаточно ощутимые изменения на всех уровнях. Из публикуемых ниже статей наиболее систематические наблюдения такого рода присутствуют в статье Д.Г. Чистяковой, обнаружившей, что поведение клитик в «раннем» и «позднем» современном шугнанском подчиняется разным типам правил. Другим важным результатом является возможность производить количественные наблюдения над шугнанскими данными (касающиеся частотности и дистрибуции отдельных форм, лексем, конструкций и т. п.); в публикуемых статьях это также находит отражение.

В заключение хотелось бы отметить, что наши исследования не только не принесли бы сколько-нибудь значимых результатов,

но даже не могли бы быть начаты без постоянной, многообразной и бескорыстной помощи памирцев, которая сопровождала нас на всех этапах нашей деятельности. Все наши исследования проводились совместно со специалистами Института гуманитарных наук Хорога, щедро делившимися с нами своими знаниями памирских языков, тонкой интуицией и эрудицией. Мы хотели бы особо отметить помощь и содействие нынешнего директора института Х.С. Каландарова и заместителя директора Ш.С. Некушоевой, а также наших постоянных консультантов из числа сотрудников института – М. Ардабаевой, Ч. Назаршоевой, Н. Ризвоншоевой. Неоценимой на всех этапах нашей работы была организационная помощь и моральная поддержка проректора Российско-таджикского славянского университета Х.Д. Шамбезоды и сотрудников кафедры теоретической и прикладной лингвистики РТСУ Д.М. Искандаровой и М.Б. Давлатмировой. С благодарностью вспоминаем мы и безвременно ушедших от нас Шодихона Юсуфбекова (первого директора Института гуманитарных наук в Хороге, щедрого, гостеприимного и бесконечно преданного делу изучения памирских языков) и Гульнисо Ризвоншоеву (собирательницу и несравненно знатока памирского фольклора, чьи записи составляют основу сегодняшнего шугнанского корпуса). *Тама-рд қуллуғ-и бисйор!*⁴

Литература

- Аркадьев 2006 – *Аркадьев П.М.* Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сборник статей к 75-летию профессора А.Л. Грюнберга (1930–1995) / Ред. М.Н. Боголюбов. СПб.: Наука, 2006. С. 74–92.
- Беликов 1972 – *Беликов В.И.* К употреблению указательных местоимений в шугнанском / *Забонҳои помирӣ ва фольклор* = Памирские языки и фольклор. I. Душанбе: Дониш, 1972. С. 74–77.

⁴ *Вы-ДАТ* *благодарность-изг огромный*; отметим падежный формант при местоимении (в современном шугнанском у личных местоимений фактически начинает развиваться система вторичных падежей позднего образования «поверх» двухпадежной), а также заимствованную из таджикского изафетную конструкцию (памирским языкам не свойственную) с исконно шугнанской вершиной ‘благодарность’, таджикским формантом изафета и таджикским же по происхождению зависимым ‘большой, много’ – подобная лексико-грамматическая интерференция очень характерна для современного шугнанского языка (другие примеры такого рода приводятся в [Додыхудоева 2020]).

- Додыхудоева 1999 – *Додыхудоева Л.Р.* Памирские языки // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки / Ред. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, В.В. Мошкало. М.: Индрик, 1999. С. 170–174.
- Додыхудоева 2020 – *Додыхудоева Л.Р.* К вопросу о лексическом и грамматическом значении в шугнанском языке // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей / Ред. А.А. Кибрик и др. М.: Буки-Веди, 2020. С. 344–349.
- Зарубин 1960 – *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Каландаров 2004 – *Каландаров Т.С.* Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2004. 478 с.
- Каландаров 2006 – *Каландаров Т.С.* Исмаилизм на Памире: поиск новых путей и решений // Расы и народы. Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 180–196.
- Каландаров 2018 – *Каландаров Т.С.* Памирские народы, их языки и перепись: этнический дискурс // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 162–178.
- Карамшоев 1963 – *Карамшоев Д.К.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: ИЯЛ им. Рудаки, 1963. 36 с.
- Лашкарбеков 2008 – *Лашкарбеков Б.Б.* Старованджский язык (*vanjvor*) // Основы иранского языкознания: Среднеиранские и новоиранские языки / Ред. В.А. Ефимов. М.: Восточная литература, 2008. С. 61–109.
- Муравьева 1975 – *Муравьева И.А.* Непозиционные чередования фонем в шугнанском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике / Ред. В.А. Звегинцев. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 124–135. (Публикации ОСиПЛ, 7)
- Соколова 1967 – *Соколова В.С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука. 1967. 158 с.
- Стеблин-Каменский 1993 – *Стеблин-Каменский И.М.* Первое путешествие И.И. Зарубина на Памир летом 1914 г. // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1993. Вып. 1. С. 139–150.
- Эдельман 2021 – *Эдельман Д.И.* Сочетаемость праязыковых элементов и структурная трансформация иранских языков // Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Сочетаемость языковых единиц и языковые модели: Памяти З.М. Шаляпиной (1946–2020) / Ред. А.И. Коган, А.С. Панина. М.: ИВ РАН, 2021. С. 218–225.
- Эдельман, Юсуфбеков 1999 – *Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П.* Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки / Ред. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, В.В. Мошкало. М.: Индрик, 1999. С. 225–242.
- Юсуфбеков 1998 – *Юсуфбеков Ш.П.* Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – *Edelman J.I., Dodykhudoeva L.R.* The Pamir languages // *Iranian Languages* / Ed. by G. Windfuhr. L.: Routledge, 2009. P. 773–786.
- Forker 2019 – *Forker D.* Elevation as a category of grammar: Sanzhi Dargwa and beyond // *Linguistic Typology*. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 59–106.

- Kim 2017 – *Kim D.* Topics in the syntax of Sarikoli. Utrecht: LOT, 2017. 441 p.
- Korn 2016 – *Korn A.* A partial tree of Central Iranian // *Indogermanische Forschungen*. 2016. Vol. 121. No. 1. P. 401–434.
- Korn 2019 – *Korn A.* Isoglosses and subdivisions of Iranian // *Journal of Historical Linguistics*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281.
- Obrtelová 2019 – *Obrtelová J.* From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2019. 333 p. (*Studia Iranica Upsaliensia*, 35)
- Payne 1989 – *Payne J.* Pamir Languages // *Compendium Linguarum Iranicarum* / Ed. by R. Schmitt. Wiesbaden: Reichert, 1989. P. 418–444.
- Wendtland 2009 – *Wendtland A.* The position of the Pamir languages within East Iranian // *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

References

- Arkadyev, P.M. (2006), “Two-case systems in the Indo-Iranian languages: a typological perspective”, in Bogolubov, M.N. (ed.), *Indoiranskoje yazykoznanije i tipologija yazykovykh situatsiy. Sbornik statej k 75-letiju professora A.L. Gryunberga (1930–1995)* [Indo-Iranian linguistics and typology of linguistic situations. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of professor A.L. Grunberg (1930–1995)], Nauka, Saint-Petersburg, Russia, pp. 74–92.
- Belikov, V.I. (1972), “On the use of demonstrative pronouns in the Shughni language”, in *Забонҳои помирӣ ва фолклор* [Pamir languages and folklore], I, Donish, Dushanbe, Tajikistan, pp. 74–77.
- Dodykhudoeva, L.R. (1999), “The Pamir languages”, in Rastorgueva, V.S., Edelman, D.I. and Moshkalo, V.V. (ed.), *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 170–174.
- Dodykhudoeva, L.R. (2020), “On the issue of lexical and grammatical meaning in the Shughni language”, in Kibrik, A.A. et al. (ed.), *VAProsy yazykoznaninya: Megasbornik nanostatej* [VAProsy yazykoznaninya: megacollection of nanopapers], Buki-Vedi, Moscow, Russia, pp. 344–349.
- Edelman, D.I. (2021), “Compatibility of proto-language elements and structural transformation of Iranian languages”, in Kogan, A.I., and Panina, A.S. (ed.), *Problemy obshchey i vostoikovednoy lingvistiki. Sochetayemost' yazykovykh edinit i yazykovyye modeli. Pamyati Z.M. Shalyapinoy (1946–2020)* [Problems of general and oriental linguistics. Compatibility of language units and language models. In memory of Z.M. Shalyapina (1946–2020)], Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia, pp. 218–225.
- Edelman, D.I., and Yusufbekov, Sh.P. (1999), “Shughni language”, in Rastorgueva, V.S., Edelman, D.I. and Moshkalo, V.V. (ed.), *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 225–242.

- Edelman, J.I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), "The Pamir languages", in Windfuhr, G. (ed.), *Iranian Languages*, Routledge, London, UK, pp. 773–786.
- Foraker, D. (2019), "Elevation as a category of grammar: Sanzhi Dargwa and beyond", in *Linguistic Typology*, vol. 23, no. 1, pp. 59–106.
- Kalandarov, T.S. (2004), *Shugnantsy (istoriko-etnograficheskoye issledovaniye)* [The Shughni people (historical and ethnographic study)], IEA RAS, Moscow, Russia.
- Kalandarov, T.S. (2006), "Ismailism in the Pamirs: searching for new ways and solutions", in *Rasy i narody, vyp. 32* [Races and Peoples, vol. 32], Nauka, Moscow, pp. 180–196.
- Kalandarov, T.S. (2018), "Pamir peoples, their languages and census: ethnic discourse", in *Etnograficheskoye obozreniye*, vol. 5, pp. 162–178.
- Karamshoyev, D.K. (1963), *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [The Bajuvi dialect of the Shughni language], Institute of Language and Literature, Dushanbe, Tajikistan.
- Kim, D. (2017), *Topics in the syntax of Sarikoli*, LOT, Utrecht, Netherlands.
- Korn, A. (2016), "A partial tree of Central Iranian", in *Indogermanische Forschungen*, vol. 121, no. 1, pp. 401–434.
- Korn, A. (2019), "Isoglosses and subdivisions of Iranian", in *Journal of Historical Linguistics*, vol. 9, no. 2, pp. 239–281.
- Lashkarbekov, B.B. (2008), "Old Vanji language", in Efimov, V.A. (ed.), *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Sredneiranskiye i novoiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics: Middle Iranian and New Iranian languages], Eastern Literature, Moscow, Russia, pp. 61–109.
- Muravyova, I.A. (1975), "Non-positional alternations of phonemes in the Shughni language", in Zvegintsev, V.A. (ed.), *Issledovaniya po strukturnoy i prikladnoy lingvistike* [Research in structural and applied linguistics], MSU, Moscow, Russia, pp. 124–135. (Publikatsii OSiPL, 7)
- Obertelová, J. (2019), *From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives*, Acta Universitatis Upsaliensis, Uppsala, Sweden. (Studia Iranica Upsaliensia, 35)
- Payne, J. (1989), "Pamir Languages", in Schmitt, R. (ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum*, Reichert, Wiesbaden, Germany, pp. 418–444.
- Sokolova, V.S. (1967), *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i sh-chgnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations of the Yazgulyam language and the Shughni language group], Nauka, Leningrad, USSR.
- Steblin-Kamenskii, I.M. (1993), "The first trip of I.I. Zarubin to the Pamirs in the summer of 1914", in *Kunstkamera: Etnograficheskiye tetradi*, vol. 1, pp. 139–150.
- Wendtland, A. (2009), "The position of the Pamir languages within East Iranian", in *Orientalia Suecana*, vol. 58, pp. 172–188.
- Yusufbekov, Sh.P. (1998), *Deykhtichnost' v yazykakh shugnano-rushanskoi gruppy: semantiko-pragmaticheskiye aspekty* [Deicticity in the languages of the Shughni-Rushani group: semantic and pragmatic aspects], Azbukovnik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир А. Плу́нган, доктор филологических наук, академик РАН, ИЯз РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; plungian@iling-ran.ru

Information about the author

Vladimir A. Plungian, Dr. of Sci (Philology), Dr. habil., Full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; plungian@iling-ran.ru